

Сюзанна: январь 2019

Она повсюду.

Вбейте в поисковик ее имя, и получите двенадцать с лишним миллионов ссылок. Первое, что вы увидите, это страничка о ней в Википедии с подробным описанием ее жизни до, во время и после похищения. Можно подписаться на ее аккаунты в соцсетях и лайкать ее любимые рестораны, последние наряды или любой бренд, который она сейчас продвигает. Можно читать ее твиты, лайкать ее любимые статьи, разрозненные записи и видео с милыми котятками. Можно просматривать многочисленные фото. Вот тот самый первый, теперь уже почти культовый снимок: жалкая маленькая фигурка в чужой, не по размеру, одежде, через каких-нибудь несколько дней после побега. Вот фотографии, сделанные позже: съемки для журналов, интервью, проход по красной дорожке. Случайные снимки без обработки: вот она делает покупки, вот идет в спортзал, вот ужинает с новым парнем. Можно посмотреть и видео, где она рассказывает о перенесенных испытаниях — в утренних и дневных шоу, высокоинтеллектуальных обзорах те-

кущих событий, в третьесортных телепрограммах с шокирующими откровениями: «Почему я боялась за свою жизнь и рассудок». Конечно, там все скрупулезно блюдут букву закона: пережитого ею касаются лишь вскользь и никогда не упоминают моего имени. Полагаю, для нее найдется роль и в «Альпинизме со звездами» или «Фондю знаменитостей», а в итоге, вероятно, она станет ведущей собственного телешоу — «Грандиозные побег с Элли Каннинг». Нет сомнений, что документальный фильм от «Нетфликс» уже запущен в производство и будет готов к показу, как только дело наконец завершится.

Помимо интернет-лендингов, посвященных произошедшему с ней, Элли фигурировала на бесчисленном количестве сайтов и новостных порталов в качестве приглашенной гостьи. О ее любимых дизайнерах можно почитать в «Чик», о ее любимых рецептах — в «Вуменз вик», о ее любимых книгах («Джейн Эйр», Лемони Сникет, «Большие надежды», «Гарри Поттер» — ну разумеется, всех аутсайдеров собрала) — в «Хроникл», о ее любимых фильмах — в «Глобал таймс». Кажется, журналисты уже успели поинтересоваться ее мнением обо всем на свете, от домашнего насилия до знакомства с Чиком во время последнего турне (места в первом ряду, проходы за кулисы, приглашения на афтерпати).

Она уже на пути к тому, чтобы стать самой популярной девушкой своего поколения — этакая Малала, только блондинка и рангом пониже. Ее случай не так интересен в политическом плане, но, пожалуй, более близок и, несомненно, гораздо более завлекателен для любителей смаковать чужие травмы, предпочитающих в качестве гарнира не столько политику, сколько всякую грязь, не столько возвышенные идеалы, сколько сенсационные откровения.

И, разумеется, она стала новейшим фетишем феминисток. Я просматривала в Сети ее выступление несколько недель назад. Она произносит речь на обеде, организованном какой-то крупной юридической фирмой. Эта фирма специализируется на громких женских делах и рассматривает их безвозмездно: защищает женщин от домогательств на работе, от интернет-травли, от незаконных увольнений.

Выступление отличное, и я не могу не отдать должное Хонор — поистине звездному агенту: она знает, на какие кнопки надо жать с каждым конкретным клиентом, чтобы он мог блеснуть как можно ярче. Эта девушка идеальная жертва и идеальная героиня, сумевшая спастись, — как раз то, что нужно в данный культурный момент.

— Я буду говорить, — объявляет она восторженной аудитории, — не только о том, что мне пришлось пережить, но и о том, как моя трав-

ма сделала меня сильнее. — Ее волосы собраны в аккуратный хвост — такая прическа позволяет продемонстрировать длинную шею и маленькую родинку под изящным ушком. Если на лице у нее и есть какой-то макияж, то его не видно. Да он ей и не нужен: кожа у нее бледная, идеально чистая, с едва заметной россыпью веснушек на дерзко вздернутом носике. Брови по-модному темные, широкие, ресницы густые, щеточкой — как бахрома вокруг больших голубых глаз, так смело и правдиво (зеркало души!) глядящих на мир. Она уже далеко не тот заморыш — с тенями под глазами, бледными потрескавшимися губами, заострившимися скулами, — какой была в первые дни после освобождения.

Ее манера говорить тоже с тех пор изменилась. Исчезла тревожная резкость, пронзительность: теперь голос у нее низкий, мелодичный, с приятной хрипотцой. Она часто отрывает взгляд от своих заметок — слегка хмурится или как будто незаметно прикусывает губу: дает понять зрителям, что она волнуется, как и подобает в таких обстоятельствах, что не воспринимает их внимание как должное, хотя и держится внешне спокойно.

Ее слова точны и взвешенны. В них нет агрессивности, запелляционности — скорее обезоруживающая неуверенность. «Я здесь не для того, чтобы меня жалели, — говорит она. —

Я не хочу, чтобы меня считали жертвой». Несколько раз она повторяет — собственно, это и есть лейтмотив ее речи, — что ей повезло. Да, с ней случилось ужасное, но в основном ей везло: в том, что она умна и трудолюбива, в том, что у нее были такие замечательные учителя, наставники, защитники... Она говорит о везении, даже когда дело доходит до того ужасного случая, о котором она не может слишком много рассказывать по юридическим причинам, — о том, как ее кто-то похитил, хотя, судя по всему, без намерения причинить ей вред — по крайней мере, сначала. И, конечно же, ей повезло в том, что она — спортивная, решительная, находчивая — сумела бежать.

Идея ее рассказа проста, и все мы, невзирая на наши жизненные обстоятельства, можем с ней согласиться: мы обретаем силу, когда ищем возможности и не упускаем случая ими воспользоваться. «Иногда, — говорит она, опуская глаза и тут же поднимая их, как принцесса Диана, — иногда нужно просто дождаться, когда представится возможность. Вот какой урок я из этого извлекла. Нужно быть готовым, нужно все время помнить, что момент наступит, даже если кажется, что лучше уже никогда не будет, что ничего изменить нельзя. Как только у вас появляется шанс добиться лучшего — уехать от родителей, которые о вас не заботятся, уйти из

школы, с работы, сделать что-то даже в таких исключительных обстоятельствах, в каких оказалась я, — нужно просто верить и хвататься за любую возможность...»

Я пересматриваю ролик снова и снова, и вовсе не из сочувствия. И со второго раза, и с третьего, даже когда знаешь то, что знаю я, от этого зрелища трудно оторваться. Она такая юная, такая милая, такая искренняя. И все, что она говорит, звучит охренительно правдоподобно.

Я должна уловить что-то — какой-то знак, какой-то проблеск в этих прекрасных голубых глазах, когда она на мгновение выйдет из роли и можно будет воскликнуть: «Ага, попалась!» Меня ведь учили подмечать такие моменты: нехарактерное облизывание губ, накручивание волос на палец, моргание ни с того ни с сего, бессознательные шаги вперед или назад, не вполне естественные интонации в голосе. Но ничего такого я не вижу. Она безупречно играет свою роль.

Вид у этой девушки такой, будто она и воды не замутит, и я ловлю себя на том, что мне хочется верить каждому ее слову.

И еще я чувствую смутный укол зависти. Если она говорит неправду, значит, она упустила свое призвание. Если это так, то Элли Канинг — актриса такого уровня, какого мне никогда не достичь.

**«ПОХИЩЕННАЯ:
ИСТОРИЯ ЭЛИ КАННИНГ»
Документальный фильм
HeldHostage Productions © 2019**

Натура

Камера смотрит на город Энфилд-Уош, лежащий в долине, вдали виднеется гора Уолтем.

Голос диктора:

Рано утром 1 августа 2018 года Джон О'Брайен, фермер из города Энфилд-Уош в Новом Южном Уэльсе, обнаружил в заброшенной пастушьей хижине на своем участке девочку-подростка в бессознательном состоянии.

О'Брайен немедленно связался с властями, и девушку, впоследствии назвавшую свое имя — Элли Каннинг, доставили в местную больницу, где ее пришлось лечить от шока и переохлаждения. Придя в сознание, Каннинг рассказала полиции, что спряталась в хижине, несколько часов пробродив вокруг после побега с соседней фермы. Каннинг утверждала, что похитила ее женщина средних лет, с которой она познакомилась в кафе в центре Сиднея, и что ее продержали в подвале почти месяц.

Когда подробности этого странного и жуткого происшествия стали достоянием публики, «дело Каннинг», как вы все уже знаете, быстро стало сенсацией в СМИ...

Сюзанна: август 2018

— Легавые.

Мэри раздвинула кухонные занавески и выглянула в окно. Я не ответила: была слишком поглощена поиском колготок без затяжек или брюк, которые не нужно гладить. К тому же вряд ли на это неожиданное заявление моей матери можно было найти какой-то разумный ответ. Собак мы не держим.

Я уже опаздывала, была все еще не причесана, в пижамных штанах и в угги: в такую холодную ужасно не хотелось раньше времени снимать то, что можно снять в последнюю минуту. Сегодня вторник, у Салли выходной, так что перед уходом на работу мне нужно все приготовить для Мэри. Я сделала бутерброды, нарезала фрукты, налила в термос чуть теплого кофе, насыпала в небольшой контейнер радужных колечек «Фрут лупс», выключила на кухне газ и включила конвектор. Драгоценные утренние минуты ушли на попытки впихнуть в себя сухие тосты и черный чай между приступами тошноты, и теперь у меня оставалось ровно две минуты на то, чтобы собрать все необходимое и выйти за

дверь, иначе мои восьмиклассники на уроке драмы будут сидеть в классе без учителя целых десять минут — катастрофа невообразимая.

— Легавые, Сьюзи. — Мэри даже тявкнула для убедительности, и довольно натурально. — Интересно, в чем меня обвинят на этот раз?

Она отдернула занавеску полностью и повернулась ко мне. Глаза у нее озорно блестели.

— А может быть, это за тобой. Как думаешь? Я всегда знала, что рано или поздно и до тебя доберутся, мисс Дадли Справедливая. Извиняюсь — миз Дадли.

Ее клекочущий смешок перешел в кашель.

— Нет там никаких... — начала было я, но тут же услышала отчетливый хруст шагов по замерзшей лужайке, скрип на веранде, неразборчивые звуки чьих-то голосов. Три резких удара.

— Что ты хотела сказать, дорогая доченька? — Мэри бросила на меня торжествующий взгляд, шагнула в коридор и, на секунду опередив меня, распахнула дверь.

Это были полицейские. Женщина лет тридцати в полицейской форме и мужчина постарше, в костюме, очевидно главный. Оба держали свои удостоверения раскрытыми.

— Мисс Уэллс? Сюзанна Уэллс? — При этих словах из губ мужчины вырвались клубы белого пара. Мир снаружи был ясный, морозно-хрустящий, обледенелый.

— Только не мисс, а миз Уэллс. Вы из какого века, мистер легавый?

Офицер моргнул.

— Прошу прощения?..

Я протиснулась к двери из-за маминой спины.

— Я Сюзанна Уэллс. Что-то случилось?

При виде полиции в дверях меня вновь за-тошнило. Сделалось вдруг невыносимо холодно, и дело было не только в погоде.

— Нет-нет. — Полицейский бросил взгляд на свою спутницу. — Ничего, в сущности. Но мы хотели бы с вами поговорить.

Его спутница притопывала ногами. Нос и щеки у нее порозовели.

— Здесь несколько прохладно, мэм. Вы позволите нам войти? Это не займет много времени. Всего лишь несколько стандартных вопросов.

— Знаем мы эти стандартные вопросы, — пробормотала Мэри у меня за спиной. — В прошлый раз легавый мне говорит...

— Конечно. Входите, пожалуйста.

Полицейские задержались у входа, а Мэри, что-то бормоча на ходу, устремила прочь по темному коридору. Ее серебристые волосы были собраны в свободный узел на затылке, длинный халат элегантно струился по ковру, и со спины она выглядела совсем как гранд-

дама в какой-нибудь костюмированной драме из эдвардианских времен.

— Альцгеймер? — шепнула женщина с сочувствием и пониманием в глазах.

— У нее... — начала было я объяснять, но раздумала и пожала плечами. — Да. Что-то вроде.

На кухне полицейские представились как детектив-инспектор Стрэтфорд и старший констебль Мурхауз, а потом неловко стояли, пока я не предложила им присесть и выпить чашку чая. От чая они отказались, но сели. Констебль Мурхауз сняла фуражку и сбросила с плеч кожаную куртку. Рубашка на ней распахнулась в том месте, где не хватало пуговицы, и сквозь прореху выглянуло кружевное белое нейлоновое белье. Мэри взгромоздилась на кухонную стойку, и, хотя истинное состояние ее древнего флисового халата, засаленного и потрепанного, теперь было видно во всей красе, она по-прежнему хранила пренебрежительно-надменный вид. Полицейские поглядывали на нее с опаской.

— Это надолго? — Я застыла в нерешительности. — Мне, наверное, нужно сначала позвонить на работу. Я уже опаздываю.

— Вы преподаете драму, верно? — спросила констебль Мурхауз. — В школе?

— Да. И у меня первый урок в восьмом классе — нужно договориться, чтобы меня кто-нибудь заменил.

— Восьмой класс, говорите? У меня дочь в восьмом. Не завидую вам — то еще удовольствие с ними работать.

Женщина усмехнулась и хотела еще что-то сказать, но начальник ее перебил:

— Вероятно, будет лучше, если вы их предупредите. Мы постараемся закончить как можно быстрее, но вы наверняка задержитесь.

Я быстренько позвонила из соседней комнаты и вернулась как раз вовремя, чтобы услышать, как Мэри со своим американским выговором, приберегаемым для особых случаев, потчует их рассказом о своем аресте в Нью-Йорке после бурных выходных в отеле «Челси» — в обществе Лу Рида, и не только его.

— Вам, молодым, это имя, скорее всего, ни о чем не говорит, так? — Она вздохнула, видя, что ее рассказ не произвел впечатления. — Да еще таким неотесанным. Слушаете, наверное, всякую...

— Мэри, хватит.

Она чопорно поджала губы.

— Ну, знаешь, до сих пор меня еще никто не обвинял в том, что я слишком много говорю. Тем более с легавыми. И ты, конечно, все рав-

но меня не слушаешь, мисс Паинька, но я бы на твоём месте наняла адвоката.

— Я уверен, что адвокат не понадобится, миссис...

— Я мисс Мэри Сквайрс. Вы, возможно, слышали обо мне.

— Я... э-э-э, нет, боюсь, что нет, мэм. Но адвокат вам не понадобится, мисс Уэллс. Это действительно всего лишь стандартная процедура.

— Конечно, мне не нужен адвокат. — Я примирительно улыбнулась полицейскому, бросила грозный взгляд на Мэри, выдвинула стул и села вместе с ними за стол. У старшего констебля Мурхауз был такой вид, словно она изо всех сил сдерживает смех; её босс нахмурился.

— Так чем я могу помочь?

Стрэтфорд откашлялся.

— Вы, полагаю, слышали о деле Элли Каннинг?

Моя мать издала хриплый тревожный вскрик, и я поспешно, надеясь предотвратить её дальнейшую реакцию, ответила:

— О той девушке, которую похитили? Конечно.

— И знаете, что её нашли неподалеку отсюда?

Я кивнула.

— Сейчас мы проверяем некоторые версии и пытаемся выяснить, где именно её держали.

Осматриваем некоторые здешние объекты, которые совпадают по описанию с... с какими-то ее воспоминаниями.

— Я думала, она почти ничего не помнит. Она ведь бродила уже по темноте?

— Тем не менее, — лицо полицейского расплылось в подобии улыбки, — теперь она, кажется, вспомнила кое-какие подробности. Они возвращаются к ней — медленно, но верно.

— И что же она вспомнила?

— К сожалению, я не вправе об этом рассказывать. Но могу сказать, что, судя по первоначальному наружному осмотру вашего участка, он имеет некоторое поверхностное сходство с тем местом, где держали мисс Каннинг, судя по ее воспоминаниям.

— О... — Такого я не ожидала. — И в чем же сходство?

— Повторяю, я не вправе сообщать вам эти сведения. Скажем так... его внешний вид в некоторых деталях совпадает с показаниями Элли.

— То есть, по-вашему, ее держали здесь? В этом доме? Но это абсурд.

Мне удалось удержаться и не повысить голос, однако не удалось подавить внезапное еканье в животе.

— Нет, на данный момент мы не утверждаем ничего подобного, мисс Уэллс. — Голос у него был мягкий. — Мы просто пытаемся просле-

дить ее путь в ту ночь, когда она сбежала, и выяснить, не удастся ли нам пройти по ее следам в обратном направлении, чтобы выяснить, где ее держали. Возможно, в какой-то момент она проходила мимо вашего участка или через него. Мы хотели узнать, не возражаете ли вы, чтобы мы взглянули на ваш дом.

Мэри вновь издала вопль, на этот раз торжествующий.

— Обыск собрались проводить? Тогда вам нужен... этот... как его? Ну этот... ну... — На мгновение она умолкла с растерянным видом, а затем пришла в еще большее возбуждение. — Вы меня поняли, мистер детектив, — этот, как его там...

— Ордер нам не нужен, мэм. Как я уже сказал, это просто...

Мэри перебила его:

— Я вот что думаю, Сюзанна, — может, тебе стоит позвонить старому Чипсу Рафферти? Этот его жирный братец ведь, кажется, адвокат?

— Мэри!

Она театрально закатила глаза, сжала губы. Детектив вздохнул.

— Конечно, вы можете нанять адвоката. Но, на мой взгляд, это принесет только лишние расходы. И, безусловно, лишь затянет дело. Как я уже сказал, это не официальный обыск.

— Не слушай его, Сьюзи. У них всегда все официально — они даже трахаются официально. То есть трахаются они еще официальнее, чем...

— Ради бога, Мэри. Уймись.

Констебль Мурхауз закашлялась, пытаясь скрыть смех. Ее начальник вновь многозначительно посмотрел на нее и повернулся к Мэри.

— Я понимаю ваши опасения, мисс Сквайрс, но сегодня утром мы собираемся осмотреть не только ваш дом. У нас есть список... еще с полдюжины участков для осмотра, так, старший констебль?

Женщина заглянула в свой блокнот.

— По-моему, всего девять, сэр.

Голос у нее был угрюмый.

Я решилась.

— У нас нет причин обращаться к адвокату. Осматривайте все что хотите, не стесняйтесь. Нам скрывать нечего.

Стрэтфорд облегченно улыбнулся.

— Спасибо. Мы не отнимем у вас много времени. — Оба полицейских поднялись на ноги. — С вашего позволения, мы сначала бегло осмотрим дом, а потом проверим загоны, сараи и так далее. Возможно, сделаем по ходу дела несколько фотографий, если вы не возражаете — мы попросим вас по этому поводу подписать некоторые документы, прежде чем уйдем. Если у вас